

гаемый фон читательского восприятия «Записок из подполья», а образ лирического героя Некрасова — в такой же фон для подпольного человека. Но фон в процессе восприятия не должен был оставаться неизменным и равным себе: «Записки из подполья» строились так, чтобы с помощью текста и сюжета предложить читателю особую трактовку поэзии Некрасова и ее лирического героя⁵.

Полемически-пародийное использование лирических стихотворений Некрасова и образа его лирического героя было для Достоевского не самоцелью, а средством — средством борьбы с враждебной ему идеологией и практикой, представление о которых он воплотил в образе подпольного человека и в облике тех, с кем подпольный человек спорит.

Разумеется, подпольный человек был лишь уродливо-карикатурно схож с лирическим героем Некрасова и героями Чернышевского. Но познавательный результат, полученный писателем, вовсе не совпадал с полемическими намерениями и замыслами. В «Записках из подполья» было совершено одно из величайших открытий Достоевского — были открыты и исследованы психологический механизм и жизненная практика антигероя — одновременно и жертвы и палача — в обществе, где отчуждение стало общим законом и атмосферой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К лирике Некрасова по эмоциональному строю гораздо ближе «Пролог», чем «Что делать?». О соотношении этих романов Чернышевского — см.: Лебедев А. А. Герои Чернышевского. М., 1962.

² Гаркави А. М. Революционное народничество в поэтическом освещении Н. А. Некрасова. — «Русская литература», 1960, № 4.

³ «...Гиперболическое заострение воспроизводит здесь особое напряжение авторского сознания, авторского «я» ...» (Гин М. От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 246).

⁴ См. Примечания И. З. Сермана к «Запискам из подполья» в 4-м томе «Собрания сочинений» Достоевского в 10-ти томах (М., 1956, с. 600).

⁵ Например, рассуждение в IV подглавке I главы «Записок из подполья» об образованном человеке XIX века, со сладострастием стонущем от зубной боли, могло восприниматься как пародийное изображение лирического героя Некрасова. Такое сближение не обязательно: это — одна из возможных ассоциаций, подготовленных общей атмосферой антинекрасовской направленности произведения Достоевского.

Э. Ш. Васильева

П. М. КОВАЛЕВСКИЙ — ЗАБЫТЫЙ ПОЭТ НЕКРАСОВСКОЙ ШКОЛЫ

Несомненна важность и необходимость обращения к творчеству так называемых «второстепенных писателей», без которых картина историко-литературного развития будет неполной. «Ис-

тория литературы как наука не может представлять собою только серию так называемых «медальонов» — писателей первой величины. Чтобы познать, какими условиями вызваны переломы, изменения, новые эпохи в литературном развитии, нужно, обобщить огромный материал, изучить «массовое» литературное движение. Тогда яснее и полнее представится и значение писателей гениальных, талантов исключительных»¹. С этими словами Б. Мейлаха нельзя не согласиться. Проблема эта приобретает особую актуальность в связи с усилившимся в последнее время интересом к социологии литературы. Не случайно, что именно социологи литературы настаивают на необходимости изучения «литературного потока» в целом, без деления его на «мастеров» и «подмастерьев», о чем свидетельствуют, в частности, материалы Брюссельского симпозиума². С другой стороны, как отмечал еще А. М. Скабичевский, анализ творчества «второстепенных писателей» может дать лучшее представление об идейно-эстетических тенденциях эпохи, нежели исследование писателей самобытных, оригинальных³. Эту мысль поддержал и Щедрин, который полагал, что для понимания той или иной литературной школы «второстепенные писатели», «подражатели» «почти всегда представляют материал гораздо более разнообразный и яркий, нежели сами образцы»⁴. Поэтому существенный интерес представляет творчество одного из забытых поэтов Некрасовцев П. М. Ковалевского.

Литературная деятельность Ковалевского началась еще в «Современнике». Здесь им были опубликованы, кроме переводных стихотворений из Барбье, Берше, Шенье, оригинальные: «Нашим сверстникам» (1863, № 1), «Ненастье» (там же), «В деревне» (1863, № 10), «Осенние голоса» (1863, № 11) и др., близкие по своей идейно-художественной направленности к некрасовской поэзии. Там же Ковалевский выступал со статьями об искусстве.

Объединяя в обновленных «Отечественных записках» бывших «современниковцев», Некрасов с первых же номеров привлекает к сотрудничеству П. М. Ковалевского.

Уже в первой книжке нового журнала Некрасов публикует две статьи Ковалевского об итальянской опере в Петербурге и о новой драме Островского «Василиса Мелентьева» («Отечественные записки», 1868, № 1). Несмотря на то, что «либерализм и эстетизм» Ковалевского «плохо гармонировали с направлением журнала»⁵, его участие в «Отечественных записках» было довольно активным и в качестве критика, и в качестве поэта. Дело в том, что по решению основных эстетических вопросов Ковалевский был близок к материалистической эстетике, пропагандистом которой стал некрасовский журнал. Показательна в этом отношении, например, статья Ковалевского «Вторая передвижная выставка картин русских художников» («Отечественные записки», 1873, № 1). В ней критик заявил себя, с одной

стороны, противником натурализма, оживившегося в конце 60-х — начале 70-х гг., считая, что копиистское искусство является «сподвижником (фотографий и послужных списков)» (отдел II, с. 94). С другой стороны, Ковалевский не приемлет и романтически-экспрессивного искусства. Но «добросовестное воспроизведение действительности в ее реальном виде» способствует, по мнению критика, «поступательному движению искусства» (там же, с. 95). Ковалевский требует типизации действительности, передачи в характере человека типического, а не случайного, во избежание перехода реальности в шарж. Иронизируя по этому поводу, Ковалевский пишет: «Я боюсь, как бы на конкурсе памятника Пушкину мы не увидели нашего поэта с колодой карт в руках. Ведь ему случалось-таки играть в карты!» (там же, с. 96). Художник, заявляет сотрудник «Отечественных записок», должен «учиться у природы, этого первого из учителей, заимствуясь у него правдою и свежестью мотивов» (там же, с. 96). Особенно показательна для поэта-некрасовца — защита искусства, обращающегося не «к драмам трескучим», а к «сереньким мужичкам», к «будничной покорности простой, не протестующей и неказистой драмы в ее реально-грубой оболочке» (там же, с. 100).

Эти слова созвучны программе художественного изображения народной жизни в щедринской статье «Напрасные опасения» («Отечественные записки», 1868, № 10), — программы, которая легла в основу творческой практики поэтов и беллетристов «Отечественных записок». Она находила осуществление и в поэтическом творчестве Ковалевского. В некрасовском духе решается П. Ковалевским проблема назначения поэта в обществе. Полемицируя со сторонниками «школы мотыльковой», поэт напоминает, что петь «сладкие звуки» в такую эпоху, когда «скорбью народной переполнена <...> земля» — преступно («Не о том мне поет соловей». — «Отечественные записки», 1869, № 3). Ориентация на народные интересы, защита их — пронизывает всю поэзию Ковалевского. Болью за «бедную родную сторону» проникнуто стихотворение «Родное» («Отечественные записки», 1869, № 7), которое удивительно созвучно некрасовскому «Утру». («Отечественные записки», 1874, № 2), появившемуся в журнале несколько позднее⁶. Оба стихотворения рисуют унылую картину русской действительности, где даже «с окружающей нас нищетою <...> природа сама заодно» («Отечественные записки», 1874, № 2). Ковалевский пробуждает ненависть к действительности, от которой «стонут, воят бедняки...» В поле зрения поэта не только мужик, селянин, но и бедняк городской, которому «душно», «постыло» в «пышном и людном» городе, «куда загнала навсегда» «его роковая нужда» («За городом». — «Отечественные записки», 1868, № 6).

Влияние Некрасова сказывается не только в проблематике произведений Ковалевского, в их «народном критерии» (исполь-

зую формулировку М. М. Гина), но и в жанровых особенностях. Как и Некрасов, Ковалевский при изображении социальных аспектов действительности обращается к приему антитезы, открыто публицистическому выражению своих идей и симпатий, к элементам психологического параллелизма и т. д. Оказала на Ковалевского несомненное влияние и некрасовская школа эзоповской речи. Понятие политической реакции, народной пассивности Ковалевский передает через образы-символы сна, тишины, увядающей природы, непогоды (см. стихотворения «Непогодь» — «Отечественные записки», 1869, № 3; «Осень» — «Отечественные записки», 1872, № 11).

Все это подтверждает плодотворность некрасовского воздействия на творчество П. М. Ковалевского и дополняет наши представления о развитии русской поэзии 70-х годов прошлого столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мейлах Б. С. Вопросы литературы и эстетики. Сборник статей. Л., 1958, с. 363.

² См.: Канторович В. О некоторых аспектах социологии литературы. — «Вопросы литературы», 1969, № 11.

³ См.: Скабичевский А. М. Д. И. Писарев. — «Отечественные записки», 1869, № 1.

⁴ Щедрин Н. (Салтыков М. Е.). Полн. собр. соч. в 20-ти томах. Т. 19. М., 1939, с. 394.

⁵ «Литературное наследство», т. 51—52. М., 1949, с. 314.

⁶ Эта параллель отмечена в работе: Смирнов В. Б. Н. А. Некрасов и журнальная поэзия «Отечественных записок». Уфа, 1972, с. 12.

М. Л. Нольман

НЕКРАСОВ И ГЕЙНЕ

Отсутствие работ, в которых поэзия Некрасова была бы сопоставлена с поэзией Гейне, — явный пробел не только в зарубежном¹, но и в отечественном литературоведении. Объясняется это прежде всего крайней скудостью прямых свидетельств, очевидных переключек русского поэта с творчеством его старшего немецкого современника. К тому же подчеркнута национальное своеобразие содержания и формы произведений Некрасова, пронизывающий их «русский дух», по-видимому, психологически исключает мысль о каких бы то ни было зарубежных литературных связях, в том числе и с Г. Гейне.

При чрезвычайном обилии тогдашних переводов «из Гейне» Некрасов, как известно, ограничился довольно-таки вольным переложением всего одного гейневского стихотворения. Высказывания Некрасова о Гейне столь немногочисленны, что усколь-